

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

Март 2020 года

9

СОБЫТИЕ ПЕРВОЕ

День победы в Европе, 8 мая 1945 года

35

СОБЫТИЕ ВТОРОЕ

Коронация Елизаветы II, 2 июня 1953 года

79

СОБЫТИЕ ТРЕТЬЕ

Финал чемпионата мира: Англия против Западной
Германии, 30 июля 1966 года

129

СОБЫТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Инвеститура Чарлза, принца Уэльского, 1 июля 1969 года

179

СОБЫТИЕ ПЯТОЕ

Свадьба Чарлза, принца Уэльского, и леди Дианы Спенсер,

29 июля 1981 года

217

СОБЫТИЕ ШЕСТОЕ

Похороны Дианы, принцессы Уэльской,

6 сентября 1997 года

297

СОБЫТИЕ СЕДЬМОЕ

75-я годовщина Дня победы в Европе, 8 мая 2020 года

379

От автора

461

Грэму Кейвни

ПРОЛОГ

Март 2020 года

В зале прилета Венского аэропорта было так малоллюдно, что Лорна без труда углядела ее, хоть они и не встречались. У нее были короткие каштановые волосы, мальчишеская фигура и карие глаза — они засияли, когда Лорна выглянула из-за своего исполинского футляра с инструментом и уточнила:

— Сузанне, верно?

— Здравствуйте, — нараспев ответила Сузанне, а затем, после минутного колебания, радушно притянула Лорну в объятия. — Нам же все еще можно так, правда?

— Конечно, можно.

— Я так рада, что вы наконец здесь.

— Я тоже, — машинально отозвалась Лорна. Но не соврала.

— Долетели хорошо?

— Вполне. На рейсе не битком.

— У меня машина. — С внезапной настороженностью Сузанне оглядела глянцевитый черный футляр с Лорниным контрабасом и добавила: — Надеюсь, достаточно вместительная.

Снаружи было так холодно, что, казалось, может пойти снег, а вокруг уличных фонарей лучились в ночном

воздухе разреженные янтарные ореолы. По пути к парковке Сузанне задала еще какие-то вопросы о перелете (а температуру в аэропорту проверяли у вас?), спросила Лорну, не голодна ли та (не голодна), и объяснила то-се о распорядке на ближайшие несколько дней. Лорна и Марк поселятся в одной гостинице, но он летит из Эдинбурга и до завтрашнего утра в Вене не появится. Их концерт начнется примерно в девять вечера, а на следующий день они на поезде отправятся в Мюнхен.

— Я не смогу поехать с вами на концерты в Германию, — сказала она. — Как бы ни хотелось. У лейбла нет бюджета мне на поездку. Все почти что на голом энтузиазме. Поэтому же вас встречают на этом вот, а не на длинном лимузине.

Она имела в виду свой автомобиль, десятилетний “вольво-эстейт”, весь в царапинах и вмятинах, и уверенности он Лорне не внушил. Тем не менее для поставленной задачи машина действительно казалась вместительной.

— Сгодится, — сказала Лорна, но, оглядев машину изнутри, обнаружила неожиданную загвоздку. На заднем сиденье размещалось детское кресло, окруженное всячиной, выдающей того, для кого главное — забота о ребенке: влажные салфетки, пищевые обертки, пластиковые игрушки, соски, и все же сильнее тревожило то, что на оставшемся квадратном дюйме громоздились рулоны туалетной бумаги в пластиковых обертках, по девять штук. Упаковок двадцать примерно.

— Прощу прощения, — сказала Сузанне. — Давайте я... Так, давайте сообразим, как быть.

Сперва попытались запихнуть контрабас в машину через дверцу багажника, но тут же уперлись в непроби-

ваемую стену рулонов туалетной бумаги. Лорна извлекла упаковок девять или десять и выложила их на бетонный пол, но протолкнуть гриф инструмента через оставшуюся на заднем сиденье туалетную бумагу все равно не удалось. Тогда они убрали с сиденья верхний слой рулонов, сложили их стопкой по одной стороне салона — контрабас им обеим удалось втиснуть поглубже внутрь, дальше детского кресла, и в итоге головка грифа почти касалась лобового стекла, а дверца багажника закрылась едва-едва. Впрочем, попытка засунуть обратно в салон всю изъятую туалетную бумагу успехом не увенчалась.

— Может, если вынуть инструмент из футляра, — произнесла Сузанне, — и сложить туда туалетную бумагу... Нет, вряд ли поможет.

В конце концов задача решилась, когда Лорна, притиснутая щекой к контрабасному грифу, устроилась на пассажирском сиденье, а Сузанне сложила упаковок восемь или девять туалетной бумаги Лорне на колени — получилась башня до потолка салона.

— Вам уютно? — спросила она, тревожась за Лорну, ведя машину по чуть ли не пустым дорогам к центру Вены.

— Очень, — ответила Лорна. — Они же как подушка безопасности. Если мы во что-нибудь врежемся, они, возможно, спасут мне жизнь.

— По-моему, вам не очень-то удобно. Извините меня, пожалуйста.

— Не волнуйтесь, все в порядке. — Помолчав, она спросила: — Слушайте, вопрос вроде как... напрашивается сам: зачем вы купили столько сортирной бумаги?

Сузанне бросила на нее удивленный взгляд, словно ответ был очевиден.

— Решила запастись. В смысле, может, немножко переусердствовала, но все же... лучше перебдеть, а? — Они проехали еще несколько светофоров. Но Сузанне видела, что Лорна ее объяснений не поняла. — Из-за вируса, ну? — добавила она, чтобы развеять последние сомнения.

— Думаете, все так уж серьезно?

— Кто знает? Но да, мне так кажется. Вы видели записи из Уханя? И по всей Италии уже локдаун.

— Да, я слышала, — сказала Лорна. — Здесь ничего подобного не устроят, правда? То есть концерт завтра точно не отменится?

— Ой, это вряд ли. Все билеты уже распроданы, кстати. Зал не громадный, человек на двести, но для джаза в наше время это неплохо. И какой-то журналист хочет завтра утром с вами пообщаться — для музыкального сайта. Интерес, то есть, живой. Все пройдет гладко, не беспокойтесь.

Лорна позволила себе выразить лицом некоторое облегчение. Эти гастроли — большое дело для нее. Впервые они с Марком вывезли свое живое выступление из Британии; впервые кто-то оплатил больше одного концерта подряд; впервые за год с лишним она что-то зарабатывает музыкой. Днем Лорна была одной из четырех женщин, работавших в приемной пятнадцатизэтажного офисного здания в центре Бирмингема. Ее коллеги смутно представляли себе, что на досуге Лорна музицирует, но изумились бы, если бы узнали о происходящем: кто-то платит Лорне, чтобы она приехала в Австрию и Германию, ей бронируют гостиницы — и журналист, подумать только (пусть и с интернет-сайта), желает взять у нее интервью. Долгие недели Лорна ждала этого турне, жила ради него. Если этот диковинный ви-

русняк сорвет всеобщие планы, велико будет ее разочарование.

Сузанне доставила ее в гостиницу и пообещала заехать утром, сразу после завтрака. Гостиница оказалась скромной, от центра далековато. Номера крохотные, но Лорна была признательна просто за то, что она здесь. Полчаса, а то и больше пролежала она в раздумьях на кровати. Интересно, кому могло прийти в голову оборудовать такую маленькую комнату лампой дневного света, которую нельзя пригасить. Интересно, почему она решила играть на инструменте, который занимает в комнате больше места, чем сама Лорна, и чуть не застрял в лифте. Но интереснее всего другое: с чего реагировать на всемирное распространение вируса покупкой почти двухсот рулонов туалетной бумаги. Действительно ли это жутчайший страх человеческий — из-за чудовищного экономического кризиса, или из-за кризиса здравоохранения, или на грани климатической катастрофы однажды не иметь возможности поддаться?

Она глянула на часы. Полдесятого. Полдевятого в Бирмингеме. Самое время позвонить домой. Под “домом” она понимала Британию, но звонить своему мужу Донни, как раз сейчас тусовавшемуся с друзьями, не собиралась. Не хотелось звонить и родителям, уехавшим в отпуск: они воспользовались неожиданным (и нежеланным) увеличением своего свободного времени — Британия наконец покинула Евросоюз и все британские члены Европарламента остались без работы. Нет, ее звонка ждет бабуля. Лорна пообещала набрать ей по скайпу, как только приземлится в Вене. Бабуля, для которой любой перелет сулил потенциальную катастрофу, неминуемое крушение самолета, сидит дома в смутной

тревоге, пока Лорна не позвонит и не скажет, что возвратилась на *terra firma**.

Лорна села на кровати, открыла ноутбук — дешевое приобретение, сделанное у сомнительного торговца электроникой на той же улице, где она жила, и пока служившее ей верой и правдой. Никакого стола или тумбочки в номере не было, и Лорна положила подушку себе на колени, пристроила компьютер поверх, после чего щелкнула по бабушкиному имени в скайпе. Как обычно, ответа не последовало. Его не бывало никогда. И чего она все пытается пробиться к бабуле по скайпу? Сперва надо позвонить по городскому номеру. Городской телефон и письмо, на них бабуля полагалась, а вот современным способам общения не доверяла. Планшет у нее завелся шесть лет назад — подарок на восьмидесятилетие, — но как им пользоваться, она толком не разобралась. Нужно было позвонить ей по городскому телефону, звоня при этом и в скайп, и сопровождать голосом весь процесс. И так каждый раз.

Долго ли, коротко ли, покончив со всей этой суетой, у себя на экране ноутбука Лорна увидела привычную картинку: верхнюю часть бабулиного лба.

— Можешь под другим углом держать? — спросила она. — К себе наклони.

Картинка судорожно заметалась и накренилась не в ту сторону. Теперь Лорне открывался вид на бабулину шевелюру — как всегда, химически завитую и освещенную.

— Так лучше?

— Да не очень.

— Я тебя хорошо вижу.

* Твердая почва (*лат.*).

— Это потому что у меня камера правильно нацелена. Неважно, ба, это неважно.

— Я тебя вижу.

— Это хорошо.

— Поговорить все равно можно.

— Ага, можно.

— Где ты?

— В гостинице.

— В Венеции?

— В Вене.

— Точно. На вид очень мило.

— Ага, уютненько.

— Как долетела?

— Хорошо.

— Без проблем?

— Без проблем. Как ты, ба?

— В порядке. Только что новости смотрела.

— Да?

— Вообще-то немного тревожно. Сплошь вирус то, вирус се.

— Еще бы. Тут о нем тоже говорят. У женщины, которая меня забирала из аэропорта, в машине было рулонов двести сортирной бумаги.

— Двести чего?

— Рулонов сортирной бумаги.

— Что за вздор.

— Ты бы, может, тоже купила про запас.

— Зачем это?

— Или пару-другую банок фасоли или супа — тоже про запас.

— Глупости. Люди с ума посходили. Да и покупает мне все обычно Джек — или Мартин. Принесут что попрошу.

— Наверное. Просто... никто, похоже, не понимает, что произойдет.

— Думаешь, к нам сюда доберется? Вирус.

— В Италии уже есть.

— Я видела. Всем велено сидеть по домам. Будет как чума, да? Как Черная смерть и прочий сыр-бор.

Лорна улыбнулась. Одно из бабулиных излюбленных выражений. Она все время употребляла его не задумываясь. Только она могла назвать Черную смерть “сыр-бором”.

— Ты побереги себя, вот и все, — сказала Лорна. — Сиди дома и береги себя.

— Не волнуйся, — отозвалась бабуля. — Я никуда не собираюсь.

Первые два утренних часа назавтра прошли в кафе рядом с гостиницей, где Лорна завтракала, давала интервью, а затем пила кофе с Сузанне. Интервью вышло напряженным, опыта разговоров с журналистами у нее не было. Собеседник оказался жизнерадостным хипстером слегка за тридцать, говорившим на безупречном английском; казалось, он хотел расспросить ее не столько о гармониях и блуждающем боссе, сколько о Брекзите и Борисе Джонсоне. Когда в конце концов удалось подвести разговор к музыкальной теме, Лорна в итоге рассуждала преимущественно о других членах своей семьи: о дяде Питере, игравшем на скрипке в симфоническом оркестре Би-би-си, а затем вдруг ни с того ни с сего о бабуле.

— Музыкальность у меня, кажется, от нее, — сказала Лорна. — От моей бабушки, Мэри Агнетт. Она замечательная пианистка. Могла бы даже выступить с кон-

церами. Но стала домохозяйкой и матерью и играет “Иерусалим” раз в неделю на собраниях местного ЖИ*.

Затем пришлось некоторое время объяснять, что такое ЖИ, и к концу этого объяснения Лорна почти не сомневалась, что то, к чему она вела, уже забылось. Какая жалость, что Марка здесь нет. У него подобного опыта гораздо больше, вечно он так потешен, так непочтитель, что все получается куда бодрее.

Но Марк доехал до гостиницы только в полвторого, после чего они с Лорной тут же отправились искать, где бы подкрепиться. Большинство ресторанов в округе оказались невыразительными забегаловками фаст-фуда. Они прошагали минут десять, пока не обнаружили нечто потрадиционнее: сумрачный интерьер с оплывавшими свечами, тяжелые дубовые столы и меню без перевода. Недели спустя Лорне предстояло вспомнить дух того дня — и в ресторане, и вообще в городе — как странный, тревожный: царило напряжение, словно до людей постепенно доходило, что некая перемена, некое незримое и неотвратимое событие того и гляди выбьет из колеи их обыденную жизнь, непонятно как — и к этому никак не подготовиться. Сдержанную напряженность трудно было облечь в слова, но она ощущалась.

Лорна заказала салат и тоник, Марк — мощный открытый сэндвич и два лагера. Лорну Марков рацион беспокоил нешуточно.

* “Иерусалим” (“На этот горный склон крутой”, пер. С. Маршака) — стихотворение Уильяма Блейка из предисловия к его эпической поэме “Милтон” (1804); в 1916 г. его положил на музыку композитор Хьюберт Пэрри, стихотворение обрело известность как гимн “Иерусалим” и стало неофициальным гимном Англии. Женский институт (*The Women’s Institute*, осн. 1897) — система общинных женских организаций-клубов в Великобритании, Канаде, ЮАР и Новой Зеландии.

— Не смотри так осуждающе, — сказал он ей. — Мне надо питаться, чтобы поддерживать силы. И в Шотландии, между прочим, холодно. Нужно много телесного жира.

Она принялась рассказывать об интервью.

— Он пожелал узнать, как мы познакомились.

Марк задумался, вилка замерла на полпути ко рту.

— Как мы познакомились, я не помню, — проговорил он.

— Помнишь-помнишь. Ты пришел к нам в колледж. У всех нас была возможность с тобой поиграть.

— А, да, точно, — сказал он с видом гораздо более заинтересованным в том, что подцепил на вилку.

— Я была лучшей, — сказала Лорна, ожидая, что Марк подтвердит это кивком. Не подтвердил. — По крайней мере, ты говорил, что я лучшая.

— Конечно, ты была лучшей, — жуя, сказал он.

— И потом мы пошли выпить. Ты спросил меня, какой твой альбом нравится мне больше всех, и я сказала, что до того дня о тебе ничего не слышала.

— А вот это я помню. Меня очаровала твоя прямота и ужаснула твоя дремучесть — в равной мере.

— И потом мы... оттуда и далее.

“Оттуда и далее” означало, что на следующей неделе они играли вместе несколько часов в квартире в Мозли, где Марк в то время ночевал. Затем они начали записываться — удаленно: Марк слал ей файлы из своей домашней студии в Эдинбурге, а Лорна дома добавляла партии контрабаса. Так у них накопилось несколько часов музыки, которую в итоге свели в семидесятиминутный альбом для Маркова австрийского лейбла, и в процессе у них сложился стиль, в котором медленный амбиентный бубнеж, который Марк медитативно извлекал из

своей гитары, подкреплялся и обогащался Лорниным вкладом на контрабасе — Лорна рассматривала его как мелодический инструмент, нередко задеиствуя смычок. Столь стремительно превратиться из многообещающей студентки в записывающуюся музыкантшу оказалось для Лорны чем-то потрясающим, но дело в том, что их дуэт оказался удачным — они с Марком попросту сразу же подошли друг дружке, и пусть британская пресса ими не заинтересовалась и дома концерты устраивать удавалось с трудом, продажи у их первого альбома в остальной Европе были очень даже заметные, а теперь и сами музыканты оказались в Вене, наступил первый день их шестидневных гастролей, и они стремились воссоздать живую звучание своих студийных записей. В тот вечер, когда Марк отыгрывал очередное соло примерно на середине их сета, Лорна, глядя на него сбоку сцены, размышляла в который раз, как этот человек — этот толстый, небрежно одетый и вообще несколько сомнительного вида пошляк — умел, когда хотел, творить музыку, словно ангел, пальцами и педалями извлекая из своей гитары звуки целого оркестра, заполняя пространство сложными гармониями и обертонами, дробными ходами мелодий, и они держали молодую публику в некоем экстатическом трансе.

— Несчастное мудацье сегодня собралось, — сказал он Лорне, когда они сели после концерта ужинать.

— О чем ты говоришь? Они остались в восторге.

— Я не чувствовал, что мы от них много чего получаем в ответ, — сказал он. — Я в морге публику видал живее.

Сузанне совершенно откровенно оторопела — словно поведение публики было ее личной ответственностью, и Лорна бросилась ее успокаивать:

— Не обращайтесь внимания. Замечательная была публика. Замечательный вечер. Это он так благодарность выказывает, хотите верьте, хотите нет.

За ужином к ним присоединился Людвиг, хозяин лейбла. Он привел их в ресторан под названием “Кафе Энглендер”, хотя ничего слишком уж английского в нем не нашлось: еда австрийская, порции щедрые, в том числе *шницель* — когда его подали, смотрелся он более чем удовлетворительным даже для Марковых appetitov.

— Вы гляньте, — произнес он, сверкая глазами. — Вы только гляньте на него!

Сузанне и Людвиг просияли, гордые тем, что их национальная кухня вызвала такой восторг. И лишь Лорна, вновь заказавшая салат, вид имела осуждающий.

— У тебя тут три четверти тельца, — сказала она ему вполголоса, чтобы остальные не слышали. — Таким, как ты, ничего такого, как это, нельзя.

— Таким, как я? — переспросил он, наворачивая картофельный салат. — В смысле, таким раскормленным?

— Я этого не сказала. Раскормленным я бы тебя ни за что не назвала.

— Правильно, — сказал Марк. — Потому что я не раскормленный. Мой врач считает, что у меня морбидное ожирение.

После почти двух часов столь насыщенного выступления Марк с Лорной предпочли бы легкую и непринужденную беседу, но выяснилось, что Людвигу это не свойственно. Ему было под шестьдесят, он носил стильную седую шевелюру и коротко подстриженную бородку, имел острый ум и изящную и точную манеру выражаться. Всего через несколько минут он уже расспрашивал их о положении дел в британской политике.

— Как вам известно, Марк, я преданный англофил. В Лондон я впервые приехал в 1977 году, в разгар панка. Музыка эта мне не очень понравилась, а вот мировоззрение очаровало — молодого человека, выросшего в Зальцбурге, ультраконсервативном городе без всякой контркультуры, насколько мне было известно. Помню, в тот год случился серебряный юбилей Королевы, и одно время казалось, будто все поют либо государственный гимн, либо “Боже, храни Королеву” “Секс Пистолз”. В некотором смысле замечательно красноречиво это говорило о вашем национальном характере — эти две песни одновременно у всех на устах. По-моему, примерно тогда же я смотрел фильм из бондианы — “Шпион, который меня любил”^{*} и слушал, как публика ликовала, когда раскрылся парашют Бонда и все увидели Союзный гюйс. Опять-таки, до чего по-британски! Одновременно льстить себе и смеяться над собой. Я пробыл в Лондоне три месяца и под конец влюбился во все, с чем соприкоснулся, — в британскую музыку, британскую литературу, британское телевидение, чувство юмора, мне даже начала нравиться тамошняя еда. Я почувствовал, что есть в этом месте энергия и изобретательность, с какой не сталкиваешься больше нигде в Европе, и все делается без чувства собственной важности, с этой необычайной иронией, уникально присущей британцам. И то же самое поколение теперь... что? Голосует за Брексит, за Бориса Джонсона? Что с ними случилось?

Не успели Марк с Лорной найти с ответом на этот трудный вопрос, Людвиг продолжил:

— И не один я так думаю. Мы все задаемся этим вопросом. Мы же об умной стране толкуем, как вы понимаете, —

^{*} Здесь и далее все названия фильмов бондианы приводятся в соответствии с русскоязычными прокатными.

о стране, на которую мы когда-то равнялись. А этот ваш поступок принижает вас в наших глазах, вы смотрите слабее и отчужденнее, и вам это, похоже, очень даже по нраву. И тут же назначаете начальником этого шута городского. Что вообще происходит?

Глянув на Лорну, Марк отозвался:

— Ну, с чего тут начать-то?

— Думаю, сперва, — произнесла Лорна, — стоит сказать, что Лондон и Англия — не одно и то же.

— Разумеется, — сказал Людвиг. — Это я понимаю.

— Англия и все остальное Королевство — тоже, — добавил Марк. — Я в Эдинбург не просто так переехал.

— И это я понимаю. И все-таки сердцем вы же англичанин, верно?

— Я так себя не определяю. Это не сущностное мое самоопределение.

— Сдается мне, — проговорила Лорна, тщательно подбирая слова, — что “типичного англичанина” вообще не существует.

— Ну, я бы хотел такого отыскать, если б мог, — сказал Людвиг. — А когда найду, задам два вопроса: этот новый путь, который вы избрали в последние несколько лет, — почему вы его избрали? И почему вести вас этим путем вы поставили именно этого человека?

И как раз тут у Сузанне зажужжал мобильник. Она взяла его, просмотрела сообщение.

— Ух ты, — сказала она. — Похоже, вы очень вовремя.

— В каком смысле?

— Сообщают с площадки. Они закрываются с завтрашнего дня — приказ городских властей. Далее никаких публичных событий. Никаких собраний больше чем на пятьдесят человек.

Остальные выслушали сказанное молча. Настроение вдруг сделалось сумрачным.

— Что ж, это было неизбежно, — проговорил Людвиг. — Не первый день обсуждается.

— По крайней мере, не полный локдаун, как в Италии, — сказала Сузанне.

— Это еще впереди, — заверил ее Людвиг.

— Куда нам завтра предстоит ехать? — спросил Марк. — В Мюнхен?

— Я утром первым же делом свяжусь с площадкой, — сказала Сузанне, — и сообщу, что они говорят. Но, я уверена, никаких затруднений не возникнет.

Лорна вновь принялась за свой салат и сделала пару глотков белого вина. Оно оказалось слаще, чем Лорна привыкла, и проскользнуло внутрь, как мед. Она оглядела ресторан и отметила про себя, до чего прекрасный это миг, до чего отличен он от ее жизни в Хэндзуорте, до чего отличен от ее обыденной рабочей жизни — мир радушных лиц, родственных душ, изящества и *Gemütlichkeit**. Понадеялась, что этот мир у нее не отнимут, пока она не успеет им насладиться.

Наутро Сузанне приехала к ним на Хауптбанхоф — посадить на поезд до Мюнхена, отходивший в 8:30. Вид у нее делался все более обеспокоенный. В турне у Марка с Лорной предполагалось еще пять концертов: Мюнхен, Ганновер, Гамбург, Берлин и Лейпциг. Теперь уже казалось вероятным, что какие-то, скорее всего, отменят, пусть каждая немецкая земля и принимала подобные решения самостоятельно, по собственному разумению.

* Суммарное ощущение веселья, уюта и дружелюбия (нем.).

— Беда в том, что стоит кому-то одному ввести ограничения, как остальные сочтут, что им тоже так надо. Меня рядом не будет, чтобы все улаживать.

— Разберемся, — сказал Марк. — Если площадки закроются, просто оденемся потеплее и сыграем под открытым небом. Сделаем концерт без электричества. Марк Ирвин и Лорна Саймз, акустика.

— Ой, как жалко будет пропустить! — сказала Сузанне.

— А мы запишем, и вы сделаете концертник.

Она храбро улыбнулась, а затем вроде подалась вперед, чтобы обнять Лорну на прощанье, как обняла ее, приветствуя в аэропорту всего полтора суток назад. Но в последний миг обе передумали и обменялись неловкими жестами, которые теперь уже стали привычными, — стукнулись локтями, такое вот блеклое подобие нормального человеческого соприкосновения. Марк отказался играть в эти игры. Он сгреб Сузанне в охапку, притиснул ее к своему мягкому, выпирающему пузу и сжимал в объятиях секунд десять.

— Простите, никакой дурацкий вирус не помешает нам выразить чувства, — сказал он. — Вы всё устроили здорово. Приглашайте нас при любой возможности, ладно?

— Конечно. Все скоро вернется в свою колею, и мы вас опять позовем.

— Отлично.

Марк поцеловал ее в лоб, а затем они с Лорной взяли за тяжкий труд загрузки инструментов в поезд.

Дорога заняла четыре часа, и Лорне понравилась вся поездка, до последней минуты. Яркое светило солнце поздней зимы, когда они пересекли границу Австрии и вкатились в Германию, пейзаж переменялся, преобра-

зился, и Лорна по-туристски наделала несколько десятков снимков заснеженных баварских Альп, городков и деревень, угнездившихся между склонами. Парочку отправила Донни и бабуле, но ни тот ни другая не отозвались. Напротив нее у окна дремал Марк, время от времени всхрапывая и от этого резко просыпаясь. Лорна подозревала, что прошедшей ночью выспаться Марку не очень-то удалось. В гостиницу он с ней после ужина не вернулся — нашел через мобильное приложение для сетевых знакомств какого-то мужика и отправился на встречу с ним куда-то в клуб. О дальнейшем Лорна предпочла не спрашивать.

Рядом со спящим Марком сидела опрятная, хорошо одетая женщина, листавшая немецкую версию журнала “Vog”. Лорну заворожило, до чего трудно даме оказалось листать страницы, поскольку руки у нее были в тонких кожаных перчатках. В вагоне было тепло, пальто и жакет дама сняла, но при этом в перчатках просидела всю дорогу.

Вирус преследовал их по всей Германии. В Мюнхене, Ганновере, Гамбурге и Берлине удача не изменяла: площадки оставались открытыми вплоть до их концертов, хотя все четыре закрылись наутро после. Каждый вечер порядок был один и тот же: саундчек, далее концерт, затем быстрый ужин с организаторами. Что ни ужин, разговоры всякий раз возвращались к вирусу, к новым мерам, объявленным властями, к новым фразам вроде “социальной дистанции” и “коллективного иммунитета”, которые все теперь употребляли заправски, к новой эпидемии нервных шуток насчет мытья рук, локтевых приветствий и отмены рукопожатий, к пугающим сводкам

о локдауне в Ухане, к рассуждениям о том, как Италия справится с локдауном и не последуют ли за ней прочие европейские страны. Разговоры эти были преимущественно непринужденными и беззаботными, со скрытой изумленной настороженностью, с ощущением, что обсуждаемое не может происходить на самом деле или надвигаться неотвратно. Хозяева концертных площадок едва справлялись с куда более непосредственными практическими трудностями: сколько продлятся эти закрытия, как оплачивать работу персонала и аренду, хватит ли денег на счетах, чтобы держаться, пока тянется неминуемый кризис. Разговоры тревожные, если вдуматься, но благодаря вину, еде, смеху и человеческой теплоте они получались не просто сносными, но и приятными.

Берлинский концерт сложился, вероятно, лучше всех. В тот вечер Марк играл особенно вдохновенно. Словно знал, что это выступление будет у них в ближайшее время последним, и потому превзошел самого себя, полностью растворившись в музыке, отдавшись ей целиком, с такими погруженностью и самозабвением, какие Лорне казались невозможными.

Была его игра и щедрой — щедрой к Лорне. Как контрабасистке роль ей отводилась всего лишь поддерживающая, но он никогда такого не допускал, неизменно давая ей почувствовать себя равной партнершей. Однако в тот вечер она знала, что он играет на другом уровне и ей ни за что не дотянуться до его терпеливой, неспешной инвенции, до его чудесного потока идей. И ладно. Выступать с ним уже было почетно. Они играли в странном месте — в подвале магазина звукозаписей в бывшем Восточном Берлине, неподалеку от телебашни. Помещалось туда человек семьдесят, и народу набилось битком. Раз-другой Лорна ловила себя на том,

что смотрит на толпу молодых берлинцев, притиснутых друг к дружке вплотную, и думала о том, как они вдыхают и выдыхают, прикасаются к стульям, к которым прикасались другие люди, и даже иногда покашливают, и Лорна замечала, что может вообразить себе, как этот крошечный смертоносный организм, о котором они только что узнали, перескакивает с человека на человека, от одного хозяина к другому, ищет себе очередное место обитания, очередную возможность расплодиться и наброситься. В такие мгновения она понимала, что теряет сосредоточенность и подводит Марка, нарушая договор доверия, какой существует между двумя музыкантами, импровизирующими на сцене. И потому она поспешно брала себя в руки и старалась играть дальше с новой включенностью. Раз-другой они с Марком совпадали: апогеи их пыла сливались воедино, и тогда — всего на несколько секунд — достигалось нечто волшебное, и в те драгоценные мгновения публику и исполнителей возносило, время останавливалось и по залу растекалось нечто похожее на блаженство. Лорна жила ради этих мгновений, но, бывало, такого не случалось ни разу за весь концерт. В тот вечер в Берлине они были благословлены: нирвана мимолетно оказалась в пределах досягаемости, и когда они после концерта отправились за едой, улет не закончился ни у кого.

Однако наутро, когда Марк с Лорной добрались до Лейпцига, в гостинице их ждала записка. В тот вечер концерт — последний в их турне — отменили.

Несколько сдвувшись, они стояли в вестибюле и чувствовали себя по-дурачки. Лорна вцепилась в исполинский глянцевитый футляр со своим инструментом, одни лишь размеры которого казались как никогда несуразными.

Позвонили Сузанне, та посочувствовала.

— Я же говорила, что, скорее всего, так и будет, — сказала она. Предложила перебронировать им вылет на тот же день, но они понимали, что это потянет за собой дополнительные расходы, которые компании не по карману.

— Незачем, — сказал Марк. — Мы просто поотви-саем и вылетим завтрашним рейсом, на который вы нас посадили. Не волнуйтесь за нас, мы в порядке. Сходим погуляем, посмотрим сегодня город.

Лорна понимала, что именно этим и следовало бы заняться, но воодушевления отыскать в себе не смогла. Ясно было, что в заданных обстоятельствах им повезло, очень повезло почти завершить гастроли, потеряв всего одно выступление, и все же разочарование оказалось сильно. Она отпустила Марка гулять — кто знает, в какие переулки прогулка его заведет, — а сама осталась в гостинице и переключала телевизор с канала на канал, пока не решила напоследок позвонить бабуле. Новости о вирусе сделались откровенно тревожными. У Лорны даже зародилась некая паранойя — не подцепить бы, не надо бы приближаться к людям, жать им руки, позволять на себя дышать. А бабуле восемьдесят шесть, и пусть она в хорошей форме и здорова (не считая аневризмы), тем не менее, если она это подхватит, велика вероятность, что ей придется тяжело. Отношение к вопросам здоровья у нее нынче, похоже, было самое наплевательское, и Лорна сочла, что, наверное, пора внушить бабуле, до чего в ближайшие недели важно беречься.

На сей раз скайп в кои-то веки прогудел всего раза три-четыре, и на другом конце ответили. И на сей раз в кои-то веки не высокий сморщенный бабулин лоб возник в тряском поле зрения, а лицо Питера — младшего

брата Лорниного отца, — полностью обозримое и идеально центрированное на экране.

— О, привет, — сказала она. — Я не знала, что ты гостишь.

— Решил сегодня утром вот буквально, — сказал он.

— Приехал на машине из Кью?

— Да, где-то час назад.

Дядя Питер жил один в домике ленточной застройки примерно в полумиле от Кью-Гарденз на юго-западе Лондона. До матери ему было ехать часа два, но он довольно регулярно проделывал этот путь — раз в две-три недели. Овдовела она больше семи лет назад и пусть наконец к этому и попривыкла, он знал — и Лорна знала, — что иногда одиночество казалось ей почти непереносимым. Питер чувствовал, что это его долг — навещать мать при любой возможности.

— Ты с бабулей хотела поговорить? — спросил он. — Сейчас позову.

Лорна осталась глядеть в экран, тот пустовал, пока крупное красивое кошачье в шубе с ярким коллажем черных и белых пятен не вскочило на стол и не вперило в камеру обличающие зеленые глаза, после чего развернулось и открыло Лорне беззастенчивый вид на свой зад.

— Чарли, брысь со стола! — послышался голос Питера, показалась рука, сгребшая недовольное животное, бабулиного преданного компаньона, и убравшая его с глаз долой. Затем экран, повернутый горизонтально, заняли два лица. Бабуля с виду была очень довольна собой. Глаза счастливо блестели — ее младший сын был рядом. Чувствовалось в этом некое торжество.

— Ты посмотри, кто у меня на пороге возник нынче утром, — сказала она.

О Т А В Т О Р А

Хотя “Борнвилл” — роман, художественный вымысел, Мэри Агнетт я близко списывал с моей матери Дженет Коу. Впрочем, этим связь романа с моей семьей и исчерпывается. Особенно нет никакой связи между мужем Мэри Джеффри и моим отцом Роджером Коу, компанейским и очень любимым членом семьи, посвятившим свою трудовую жизнь не банку, а “Лукас Индастриз”, где он проектировал все более эффективные автомобильные аккумуляторы. То же касается и других членов семейства Агнетт — Джека, Мартина, Питера, Энджелы, Бриджет и Лорны: все они вымышлены, и пусть их история разворачивается во всамделишных пейзажах Средней Англии, знакомых мне с детства, все, что происходит с моими героями, — выдумка. Выдуман и Кеннет Филдинг. Что до лохматого “Бориса”, возникающего в брюссельской главе, он, конечно, может показаться смутно знакомым некоторым читателям, однако однозначно определить, вымышленный он персонаж или нет, похоже, трудно.

В 2011 году французская режиссерша и сценаристка Жюли Гавра попросила меня поработать с ней над сценарием

под названием “Шоколадная война”. Вместе мы написали несколько черновиков, и хотя мало что из тех материалов попало в эту книгу, я считаю своим долгом поблагодарить Жюли за то, что показала мне повествовательные возможности этого любопытного эпизода в истории Евросоюза, а также за веселье нашей с ней работы и разрешение пользоваться плодами наших совместных усилий при написании главы “Бездна птиц” в этом романе.

Роман мыслится самостоятельным, но вместе с тем и рыхло связанным с циклом романов, которые я пишу уже не один год, под общим названием “Смута”. Вот полный их список:

Том первый. “Экспо-58”.

Том второй. “Пока не выпал дождь”.

Том третий. “Мистер Уайлдер и я”*.

В каждой книге этого цикла так или иначе встречаются Томас Фоули, его жена Силвия и их дети Дэвид и Джилл, хотя лишь в “Экспо-58” Томас выходит на первый план. Надеюсь, когда придет время, напишу еще одну книгу в этом цикле.

Особая благодарность Ралфу Пайту, Джанин Маккеон, Шарлотт Стретч, Джону Долану, Эндрю Ходжкиссу, Данкену Кэдбери, Джулии Джорден и Фенелле Бартон. А также моей дочери Матильде, помогавшей мне с изысканиями; моей агентессе Кэролайн Вуд; Мэри Маунт и Иза-

* *Expo 58* (2013), рус. пер. С. Чулковой (2014, ЭКСМО). *The Rain Before It Falls* (2007), *Mr Wilder and Me* (2020), рус. пер. Е. Полецкой (2008 и 2021, Фантом Пресс).

бел Уолл в издательстве “Пенгуин” — за их превосходные редакторские замечания. Много ценных сведений для третьей части романа, действие которой происходит в июле 1966 года, я почерпнул из книги Иэна Пэссингэма “66. Чемпионат мира в режиме реального времени” (Ian Passingham. “66: The World Cup in Real Time”).

Фрагмент под названием “Макушка моей матери” изначально был написан для чтения вслух на фестивале “Массенцио” в Риме в июле 2021 года. Я слегка отредактировал этот текст, чтобы он лучше соответствовал натуре Питера Агнетта, но в целом это правдивое изложение того, как ранним утром 10 июня 2020 года умирала моя мама. В последний раз навестив ее, я ехал домой по оксфордширской глубинке и слушал не “Гимн рая” Хауэллза, а прекрасную песню под названием “Безмолвие” певицы и сочинительницы песен Дос Флорис. С тех пор прошло почти два года, но меня по-прежнему печалит и злит, что мама скончалась в одиночестве, без обезболивания, а ее родственникам, пока она умирала, не позволили никакого личного контакта с ней. Но мы, как и тысячи семей по всей стране, — в отличие от обитателей дома №10 по Даунинг-стрит — придерживались правил.

Лондон, 21 апреля 2022 года